ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Годъ 4-й. Воскресенье, 1 мая 1927 года. **№ 18.**

Весна опять благоухаетъ.

Съ закатомъ солнечнымъ ушелъ съ земли и канулъ въ вѣчность навсегда первый въ исторіи міра воскресный день..

Упали росы съ поля.. Ужъ поздній вечеръ былъ .. Весна благоухала... А десять робкихъ галилеянъ собрались вмѣстѣ въ малой горницѣ.. Да и какъ же имъ было не оробѣть?

Простые рыбаки—всѣ безоружные, запуганные—загнанные, потерявшіе навѣки (думали они!) на крестѣ свою единственную надежду и надежду всего Израиля, потерявшіе своего Пастыря и Учителя, они „страха ради іудейска" ушли на ночь отъ злыхъ людей сюда, въ невѣдомую никому, скромную горницу.

Дверь наглухо заперта.. Въ ужасѣ и удивленіи дѣлятся десять отшельниковъ другъ съ другомъ вѣстью новою, волновавшею ихъ въ теченіе всего дня: „Христосъ воскресъ!"—говорятъ они.. „Христосъ воскресъ!" — „Его видѣли мироносицы!" „Христосъ воскресъ и явился Симону!" Съ умиленіемъ и съ трепетными сердцами они молятся въ тиши благоуханнаго весенняго вечера Отцу небесному и слагаютъ первыя похвалы въ честь Страдавшаго и Воскресшаго...

Но вотъ, въ самый таинственный моментъ ихъ дружеской молитвы-бесѣды, въ моментъ разговоровъ полушепотомъ (изъ опасенія злобы іудейской) о пережитыхъ событіяхъ послѣднихъ дней, самъ пришелъ къ нимъ Іисусъ тридневно-воскресшій и сталъ посреди горницы, пришелъ такъ неожиданно, такъ необычно, и говоритъ имъ: „Миръ Вамъ"!

Дверь заперта, а Онъ, словно безплотный духъ, вошелъ въ среду собравшихся, Онъ — все Тотъ же самый Іисусъ и съ тѣломъ, только ужъ съ прославленнымъ и тонкимъ, все съ той же нѣжностью во взорѣ и съ тѣми же неподражаемыми струнами-вибраціями въ голосѣ.

Послѣ привѣтствія „Миръ вамъ", Онъ тутъ же показываетъ изумленнымъ десяти рыбарямъ израненныя руки и ноги Свои и пронзенныя ребра.. Въ неописуемую радость пришли галилеяне.

Но повторное „миръ вамъ" отрываетъ ихъ отъ созерцанія гвоздинныхъ язвъ и заставляетъ насторожиться. Новыя слова воскресшаго Учителя такія рѣшительныя и такія важныя мягко раздались въ стѣнахъ бѣдной горницы; „Какъ послалъ Меня Отецъ, такъ и Я посылаю (ἀποστέλλω) васъ", — это слова о новомъ апостольскомъ званіи и служеніи робкихъ, запуганныхъ галилеянъ.

И дунулъ Господь на нихъ и сказалъ имъ: „Пріимите Духа Святаго. Кому простите грѣхи, тому простятся, на комъ оставите, на томъ останутся" (Іоан. 20 гл. 19—31).

Незабываемый въ исторіи христіанства поздній вечеръ благоуханнаго весенняго „перваго послѣ субботы" дня! Ты навѣки будешь памятенъ всѣмъ намъ унылымъ грѣшникамъ, ибо въ этотъ вечеръ Творецъ новой жизни и законоположникъ новой ароматной вѣры религіи—Іисусъ воскресшій установилъ бальзамъ цѣлительный для язвъ душевныхъ грѣшника — Таинство Исповѣди святой...

Но Ѳома—Близнецъ, одинъ изъ двѣнадцати, быть можетъ, самый робкій изо всѣхъ ихъ и, какъ извѣстно, самый упорный спорщикъ-протестантъ, не былъ здѣсь, въ горницѣ, среди учениковъ, въ тотъ достопамятный весенній вечеръ, когда явился Іисусъ десяти собраннымъ друзьямъ Своимъ.

И вотъ, разсказываютъ тѣ Ѳомѣ такъ радостно наперебой: „Мы видѣли Господа!" Онъ же, какъ скептикъ, отвѣчалъ упорно: „Если не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей и не вложу перста моего въ раны отъ гвоздей, и не вложу руки моей въ ребра Его,—не повѣрю"...

А развѣ въ наши дни не съ такимъ ли скептицизмомъ человѣчество относится къ истинѣ воскресенія, къ самой основѣ Христіанства?!

Увы! Даже именующіе себя христіанами люди, которые придерживаются празднованія Пасхи, какъ дня, завѣщаннаго традиціей, какъ часто они совершенно не вѣрятъ ни въ чудо воскресенія Господа-Спасителя, дѣйствительно бывшее въ сумеркахъ предразсвѣта весенняго сіяющаго дня, не вѣрятъ ни въ силу таинства исповѣди, установленнаго въ часы ароматные поздняго южнаго вечера.

Люди эти, какъ и Ѳома, говорятъ: „Если не увижу, если не осяжу,—не повѣрю!"

Ѳома не долго ждалъ: всего лишь семь дней, но зато вѣдь ждалъ онъ какъ! Съ какимъ все большимъ и большимъ нетерпѣніемъ! Съ какимъ все напряженнѣе возрастающимъ желаніемъ! Чтобы „любопытною десницею" осязать ребра и язвы отъ гвоздей!

Современные же невѣры — они не ждутъ и не просятъ чуда: они очерствѣли, охладѣли, не выказываютъ ни малѣйшаго желанія добиться, наконецъ, увѣренія себя въ величайшемъ изъ историческихъ событій—въ чудѣ всего христіанства...

Проходятъ у нихъ длинной вереницей годы за годами; жизнь сѣрой змѣею-лентой такъ и тянется-ползетъ безъ Исповѣди-встряски, безъ Причастія-лекарства... Какъ часто съ устъ такихъ невѣровъ-христіанъ срываются великія по святости своей слова „Христосъ воскресе", какъ часто слова эти жирнымъ вычурнымъ шрифтомъ красуются на ихнихъ визитныхъ билетахъ-карточкахъ, и, въ то же время, какимъ кощунственнымъ холодомъ невѣрія дышитъ вся жизнь этихъ людей!

Ѳома Близнецъ былъ много счастливѣй насъ-невѣровъ. Дождался онъ восьмого—таки дня по воскресеніи. Опять, вторично, какъ и въ первый вечеръ, всѣ были собраны единодушною молитвою въ горницѣ укрытой-потаенной. Вновь двери были заперты (все изъ того же „страха іудейска"). Ѳома — среди молящихся друзей. Вдругъ чудо повторилось вновь: какъ

въ первый поздній вечеръ, нежданно Самъ Господь стоялъ между молящихся. Онъ былъ все тотъ же самый Іисусъ израненный и прободенный, но живой, прославленный, воскресшій. И голосомъ тѣмъ же небеснымъ и въ душу самую проникновеннымъ Онъ имъ сказалъ: „Миръ вамъ!“

Потомъ Онъ обращается къ Ѳомѣ: „Подай перстъ твой сюда, и посмотри руки Мои, подай руку твою, и вложи въ ребра Мои, и не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ.“—„Господь мой и Богъ мой!“— одно только и смогъ воскликнуть въ отвѣтъ Ѳома изумленный, увѣровавшій.

А Гость Небесный Своимъ неземнымъ чарующе спокойнымъ голосомъ какъ бы въ укоръ ему сказалъ: „Ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ Меня, блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“.

Не семь, не восемь дней, а десять и пятнадцать, даже больше того лѣтъ, многіе же всю свою сѣренькую жизнь остаются въ окаменѣлости своей. Безучастно-кощунственно они христосуются, а возгрѣть въ себѣ капельку вѣры въ чудесно воскресшаго Господа упорно не желаютъ.

Другимъ—инымъ изъ насъ легко живется: упалъ, —и вновь поднялся; согрѣшилъ, и вотъ, пришелъ вновь къ всепрощающему Богу—Господу съ повинной. Онъ же чудесно-непонятно намъ „развязалъ“ нашъ грѣхъ, простилъ его въ томъ Таинствѣ святомъ, великомъ, которое установилъ Самъ своей властью въ поздній первый вечеръ перваго на землѣ воскресенья.

И вѣдь же такъ немного нужно намъ къ тому, чтобъ облегчилась совѣсть наша, чтобы жизнь изъ сѣрой-монотонной, будничной, осенней,—вновь засіяла бы лучезарными огнями, вновь бы благоухала ароматомъ юности—весны.

Вѣдь нуженъ намъ лишь только крохотненькій подвигъ вѣры: „блаженни“ (да, счастливы блаженны!) „не видѣвшіе, а (только!) увѣровавшіе“, какъ сказалъ Господь. Непреложна истина и святость Его словъ!

Гдѣ же ты, ароматъ нашей дѣтской вѣры? Куда улетѣло отъ насъ чудо изъ чудесъ? Почему мы теперь такъ долго и такъ упорно уходимъ и не хотимъ склонить гордую-мрачную голову свою подъ пахнущую ладаномъ епитрахиль священника?

И „держатся“ на насъ грѣхи, и сатана связалъ насъ ими. И не хотимъ мы сами, чтобы Господь насъ „разрѣшилъ“ и отъ оковъ грѣховныхъ „развязалъ“. Болитъ душа и совѣсть мучитъ насъ, и таетъ наша жизнь, и сѣрой лентою проходятъ годы за годами..

Воскреснемъ ли? Очнемся ли?

„Нынѣ весна благоухаетъ, и новая тварь веселится“... Луга, поля покрылись зеленью, цвѣтами... Душа! Спѣши на праздникъ мира и цвѣтовъ весны... „Возстань и пріиди, желанная моя, ибо зима прошла, дождей ужъ нѣтъ, цвѣты явились на землѣ!“ („Пѣснь пѣсн. 2 гл., 10—11).

Спѣши, спѣши къ епитрахили: пока еще живешь и таешь,—каяться не поздно... Быть можетъ, это ужъ послѣдняя твоя весна теперь благоухаетъ?!

* * *

Хожденіе Богородицы по мукамъ.

Мысль о смерти, какъ объ уничтоженіи жизни, болѣе всего волновала всегда человѣчество. Всегда естественно ставился вопросъ о томъ, что тамъ, за гробомъ, и человѣкъ не могъ никогда примириться съ тѣмъ, что тамъ нѣтъ ничего. Поэтому въ вѣрованіяхъ всѣхъ народовъ всегда, искони вопросъ о прекращеніи жизни разрѣшался въ отрицательномъ смыслѣ: по ту сторону послѣдней черты есть что-то, есть какая то особая область, которая не раскроется передъ смертными, откуда никто не придетъ назадъ. Эллинскія и римскія представленія ближе всего намъ. Поэтому въ преданіи до сихъ поръ жива у европейцевъ память о томъ, какъ изъ сыновней любви въ потусторонность—въ Аидъ—спускался Вакхъ, какъ Гераклъ и Ѳесей предпринимали это путешествіе изъ дружбы, Поллуксъ— изъ любви къ брату, а поэтъ Орфей сходилъ въ подземное царство на поиски любимой супруги Эвридики. Вергилій въ поэмѣ своей (Энеидѣ) сводитъ туда же Энея, Апулей въ поэтической сказкѣ — нѣжную Психею... Да мало ли какіе писатели античной древности искали для своихъ героевъ путей въ потусторонній міръ: Силій Италикъ, Луканъ, Стадій, Валерій Флаккъ, Клавдіанъ. А Платонъ въ одномъ изъ своихъ твореній разсказываетъ о видѣніи Ира Памфилійскаго и въ діалогѣ „Федонъ“ говоритъ о таинственныхъ мѣстахъ временнаго и постояннаго наказанія, а также о раѣ, гдѣ души живутъ безтѣлесно.

Плутархъ говоритъ о видѣніи Ѳеспезія... Иногда, какъ у Плутарха, рѣчь идетъ о возмездіи. Иногда же, какъ у Вергилія или Апулея, это лишь страшная сказка о схожденіи въ подземное царство.

Міросозерцаніе европейскихъ христіанскихъ народовъ складывалось подъ вліяніемъ эллинской и римской духовной культуры и европейскихъ религіозныхъ представленій. Поэтому вспомнимъ о древнееврейскихъ книгахъ Іова и пророка Даніила, о христіанско-еврейской апокрифической книгѣ Эноха, о позднихъ еврейскихъ трактатахъ Рабби Іосифа бенъ Леви (X в. по Р. Хр.), о „Беръ-ха-Мидрашъ“, о „Мехаберотѣ“ Эммануила Римлянина, въ которыхъ даются описанія рая и геены (какъ это др.-еврейское слово произносятъ христіане). Но именно во время христіанства необычайно остро всталъ вопросъ о справедливости и возмездіи, о борьбѣ Бога и діавола. Начиная отъ Евангелій, въ христіанской литературѣ откровенія объ адѣ и раѣ становятся все проникновеннѣе, все красочнѣе. Несложныя видѣнія св. Діонисія Ареопагита, неизвѣстнаго автора сирійскаго „Завѣщанія Адама“, св. Діонисія Александрійскаго распространяются наряду съ Апокалипсисомъ Іоанна Богослова и апокрифическими откровеніями о кончинѣ міра или о загробной жизни. Черезъ все средневѣковье на Западѣ Европы, какъ и на Востокѣ, проходитъ множество видѣній такого характера. Но врядъ ли найдется среди нихъ болѣе трогательная и болѣе проникновенная повѣсть, чѣмъ „Хожденіе Богородицы по мукамъ“, повѣсть апокрифическая (т. е. изъ потаенной христіанской литературы), смыслъ которой такъ глубоко раскрылъ Достоевскій („Братья Карамазовы“). Она не похожа на другія видѣнія. Отдаленное сходство совсѣмъ неожиданно найдемъ мы въ далекой семитической легендѣ, въ древне-восточномъ преданіи о схожденіи въ подземный міръ, къ темной рѣкѣ смерти богини любви и жизни — Иштаръ. Но та легенда бѣдна вдохновеніемъ и блѣдна. Вѣчно женственная Матерь Бога въ христіанскомъ преданіи вдохновляла гораздо болѣе поэтовъ Востока и Запада. Много-много вѣковъ назадъ написано было „Хожденіе“

Ея, о которомъ неполное представленіе можетъ дать краткій пересказъ.

Молилась Пресвятая Богородица Христу на горѣ Елеонской, да снидетъ къ ней Архангелъ Михаилъ и да разскажетъ о мукахъ грѣшниковъ. И явился къ Ней Архангелъ, и 400 ангеловъ съ нимъ: 100 отъ каждой стороны свѣта, и отверзся адъ съ запада и услышала Богоматерь вопль ужасный, сама ужаснулась, спросила, кто мучается. И отвѣтилъ Ей Архангелъ: это тѣ, кто не вѣровалъ во Отца и Сына и св. Духа, кто Бога позабылъ, прозвалъ богами всю тварь — и солнце, и мѣсяцъ, и землю, и воду, и звѣрей. Въ другомъ мѣстѣ увидѣла Богоматерь тьму великую, а во тьмѣ вопили мужи и жены, не хотѣвшіе исповѣдывать Богоматерь и Христа. — И отверзся адъ съ полудня.

Въ огненной рѣкѣ одни были погружены до пояса, другіе до груди, третьи до шеи, четвертые тѣ, о которыхъ Богъ позабылъ, — съ головой: это тѣ, что отца и мать проклинали, съ кумами грѣхъ творили, мясо человѣческое ѣли, ложно клялись; тутъ же человѣка, повѣшеннаго за ноги, ѣли черви за то, что что бралъ онъ большіе проценты, а у женщины, повѣшенной за зубы, изо рта исходили змѣи — за сплетни. „Лучше бы тому человѣку и не родиться", воскликнула Богородица и обратилась къ полуночи.

И было тамъ распростерто облако огненное и на ложахъ среди него лежали мужи и жены, не встававшіе во святую недѣлю къ заутренѣ, а на огненныхъ столахъ въ другомъ мѣстѣ горѣли тѣ, которые не чтили поповъ. Но и сами попы мучались за небреженіе къ Св. Дарамъ и огонь исходилъ изъ подъ ногтей ихъ, сожигая въ мучительномъ пламени. А когда на востокъ обратилась Богоматерь, то тамъ въ морѣ смолы, клокотавшей отъ огня, погружались грѣшники, и ангелы, стерегущіе ихъ, возопили въ тоскѣ къ Богоматери: утихла буря на смоляномъ морѣ, и оказалось, что грѣшники эти — евреи, Христа не принявшіе и распявшіе, да еще христіане, подпавшіе добровольно подъ власть демоновъ. Но въ озерѣ огненномъ мучились далѣе только христіане, за то что не покаялись передъ смертью своей. И тогда Богоматерь сама воскликнула къ Архангелу Михаилу: „Умоляю тебя, отпусти меня туда, чтобы я мучилась вмѣстѣ съ христіанами, чадами Сына Моего". Но Архангелъ ее отстранилъ: Богоматери слѣдуетъ „почивать въ раю". И тогда, преисполненная муки сердечной за страданіе христіанъ, вознесена была Богоматерь на высоту небесъ невидимую и тамъ передъ престоломъ Бога, воздѣвъ руки, молила о спасеніи грѣшниковъ. Но нѣтъ отвѣта на ея мольбы. И созывала Она тогда пророковъ, апостоловъ и евангелистовъ — да просятъ они вмѣстѣ съ нею. И вотъ, когда молитва павшихъ ницъ передъ престоломъ Господнимъ обратила сердце Отца къ Богоматери, то послалъ Онъ Сына Своего и Тотъ сказалъ, что сошествіемъ во адъ избавилъ Онъ всѣхъ отъ страданій, люди же согрѣшаютъ и сами въ мученіяхъ своихъ виновны. Все же ради Божія милосердія, молитвъ Богоматери, Архангела и мучениковъ, Христосъ далъ, наконецъ, покой мучащимся отъ великаго четверга до самой пятидесятницы. И всѣ воскликнули: Слава милосердію Твоему!

Такъ Богоматерь примирила въ любви адъ съ небомъ и принесла недежду на заступничество людямъ на землю.

„Хожденіе Богородицы по Мукамъ" возникло въ Византіи именно тогда, когда въ V в. Несторій сталъ раздѣлять Божественное и человѣческое начала въ Христѣ и называлъ Богоматерь Христородицей. Именно въ эпоху Несторія расцвѣли сказанія о Богородицѣ, началось Ея прославленіе. Этимъ объясняется также популярность апокрифическаго „Первоевангелія Іакова", повѣствующаго о жизни Богоматери и рожденіи Христа. „Предстательницѣ рода человѣческаго" отведено много мѣста въ богослуженіи, и въ творчествѣ такихъ византійскихъ поэтовъ, какъ Іоаннъ Дамаскинъ, Іосифъ — авторъ каноновъ, Романъ Сладкопѣвецъ. „О тебѣ радуется всякая тварь"... Обликъ Богоматери выростаетъ въ „Хожденіи" — одномъ изъ самыхъ вдохновенныхъ произведеній византійской литературы, построенномъ очень просто.

Возвышенный образъ Богоматери связывался (съ теченіемъ времени) съ преданіями о заступничествѣ, Ей воздвигались храмы, пѣлись гимны, Ее одну безъ Младенца, изображали византійскіе художники съ воздѣтыми руками въ видѣ Просительницы — Оранты (такое мозаичное изображеніе сохранилось со временъ Ярослава Мудраго на запрестольной стѣнѣ Кіевской св. Софіи). Къ X вѣку это „величаніе" Богоматери явилось также „поученіемъ": такъ у аввы Доровея говорится о томъ, какъ Досиѳею Богоматерь показала грѣшниковъ мучающихся въ аду; мѣсто Ея въ житіи Василія Новаго заняла Ѳеодора. Въ греческихъ, славянскихъ, сирійскихъ, арабскихъ и эѳіопскихъ текстахъ „Хожденіе" разошлось по всему Востоку. Можетъ быть, на Западѣ Европы оно тоже было извѣстно, однако лишь отдаленно, т. к. одно свидѣтельство въ литературѣ секты бичующихся (флагеллантовъ) говоритъ о томъ, что Богоматерь изъ чистилища вынесла на каждой нити одежды своей по одной грѣшной душѣ. Т. обр., „Хожденіе" принадлежитъ только христіанскому востоку. Рано появившись у Болгаръ, легенда эта передѣлывалась въ теченіе среднихъ вѣковъ много разъ сербами, такъ что вскорѣ утратила первоначальную красоту. Въ болгарскомъ спискѣ есть, впрочемъ, тоже рядъ измѣненій; такъ Богоматерь посѣщаетъ грѣшниковъ, не вѣрующихъ во Отца и Сына и Св. Духа, но покланявшихся Трояну, Хорсу, Велесу и Перуну. Такъ переводчикъ — славянинъ, пугая видѣніями ада своихъ сородичей, вѣровавшихъ одновременно по завѣтамъ предковъ и по христіанскому вѣроученію, даетъ краткій образъ славянскихъ божествъ. Но идея милосердія Бога, благословенная во вѣки", занимала еще болгарина, а серба заняла неразгаданная апокрифическая разгадка міра, отчего въ сербскихъ спискахъ было много вставокъ.

Эти болгарскія и сербскія передѣлки давнымъ-давно ходили на Руси; съ XI по XVII в. переводили и передѣлывали „Хожденіе Богородицы по мукамъ". Съ теченіемъ времени писателей и читателей стали занимать самыя картины мученій. Адскій огонь возгорѣлся еще ярче, утративъ въ этой излишней яркости византійское великолѣпіе, люди стали искать отвѣта на мучившіе ихъ вопросы и сообразно этому видоизмѣняли текстъ, но идея торжествующаго милосердія почти стерлась. Величественная византійская мозаика — красочныя видѣнія на золотомъ полѣ — замѣнены были мало по малу лубочными картинками. То же можно сказать (и даже въ большей степени) о цѣломъ рядѣ украинскихъ передѣлокъ XVII—XVIII и даже XIX в. Зато „Хожденіе" выиграло въ бытовомъ отношеніи. Это приблизило его къ народному пониманію. Популярныя передачи византійской „поэмы въ прозѣ" происхожденія сѣверно-русскаго (Архангельской губ.), украинскаго (Кіевской и Волынской губ.) и бѣлорусскаго (Могилевской и Витебской губ.). Здѣсь мукъ немного, каждая записана бываетъ особо (поучительный характеръ), каждая начинается одинаково: „Рече Пресвятая Богородица Архангелу Михаилу"... Да и заглавія памятника различны. Въ то время, какъ византійскіе и славянскіе тексты даютъ красочныя впечатлѣнія отъ огненныхъ рѣкъ, озеръ, облаковъ и воплей грѣшниковъ, въ народной передачѣ огонь этотъ ути-

хаетъ, краски становятся спокойнѣе; зато образы — рельефнѣе, т. к. въ нихъ много бытовыхъ подробностей. Вотъ въ палатѣ желѣзной мучаются (какъ — тамъ говорится) „судіи неправедныи, кривосуды“, вотъ обратившіеся въ иную вѣру посреди огненной рѣки стоятъ, а вотъ въ другой рѣкѣ огненной въ бѣлыхъ ризахъ шатаются духовныя лица „и весь церковный причтъ, что дѣтей своихъ единородныхъ не научили страху Божію и закону Господню“; немилостивыхъ князей и бояръ лица и сердца змѣи лютыя сосутъ, скоморохамъ же и плясунамъ да тѣмъ, кто ихъ даритъ — скорбь неутѣшная... И другія подробности бытового характера носятъ сатирическій оттѣнокъ.

Иконописные подлинники усвоили различныя сказанія о „Хожденіи Богородицы“, и въ изображеніяхъ Страшнаго Суда иконописцы часто слѣдовали описаніямъ мученій, вдохновляясь текстами и духовными стихами. А старообрядцы особенно бережно хранятъ въ скитахъ своихъ такія преданія, переписывая ихъ и передѣлывая до послѣдняго времени. Упрощеніе „Хожденія“ въ народной передачѣ письменной наблюдается также въ изустной. Такъ, двѣ сербскія пѣсни — черногорская и боснійская — полны эпическихъ повтореній, припѣвовъ, но лишены религіозно - философской идеологіи. Богородица тутъ — безстрастная созерцательница. Въ обѣихъ пѣсняхъ по нѣскольку картинъ бытового характера. То же самое встрѣчаемъ въ украинскихъ пѣсняхъ, среди которыхъ есть даже одна „Щедрівка“ такая поэтическая, въ своей бытовой простотѣ:

Ой, сівъ Хрістосъ вечеряти.
Добрый вечоръ, щедрый вечоръ!
Добрымъ людямъ
На здоровье!
Прійшла къ нему Божа Мати:
Сідай, Мати, вечеряти!

Въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ — тѣ же самыя измѣненія; иногда и о загробной жизни не говорится. А въ русскихъ пѣсняхъ Богоматерь въ плачахъ и сѣтованіяхъ сопоставляется съ Матерью — Сырой — Землей. Это смѣшеніе отдаленно-языческаго обряда съ христіанскимъ явилось отчасти подъ вліяніемъ „Видѣнія ап. Павла“ — другого апокрифическаго Откровенія. Быть можетъ, среди русскихъ духовныхъ стиховъ ближе всего „Хожденію“ такъ называемый стихъ „О нынѣшнемъ вѣкѣ и о будущемъ,“ въ которомъ есть плачъ грѣшниковъ къ Богоматери о помилованіи, которая молитъ Сына, но напрасно, и грѣшниковъ Христосъ забрасываетъ „землей, травой, муравой“, чтобы не слышать ихъ стоновъ. Скорѣе всего народъ ищетъ удовлетворенія за горести жизни, наказанія неправедныхъ мучителей, а не идеи милосердія, воплощенной въ Богоматери. Пожалуй, ближе по своему поэтическому настроенію все же „Плачъ земли“, въ которомъ, разумѣется, словарный матеріалъ, образы, настроеніе ничего общаго съ византійской легендой не имѣютъ.

Богоматерь уходитъ изъ народнаго описанія ада и рая въ многочисленныхъ духовныхъ стихахъ на эту тему, которые реалистически изображаютъ особенно мученія грѣшниковъ. Народнымъ поэтамъ легче было представить себѣ мученія въ аду, нежели райское блаженство, которое безцвѣтно и плоско выходило въ ихъ стихахъ. Такъ птица райская, пища райская, одежда неизносимая — вотъ и всѣ изобразительныя средства. Гораздо живописнѣе раскольничій стихъ о будущей жизни (бѣгло — безпоповщинской секты), но въ немъ отразилось „Видѣніе Авраама“ [1]) и нѣтъ связи съ „Хожденіемъ Богородицы“.

За этими бѣдными образами сказочнымъ видѣніемъ предстаетъ предъ нами Богоматерь византійской легенды, окруженная Херувимами и Серафимами, пророками и апостолами на золотомъ тяжеломъ фонѣ, словно торжественная императрица среди сановниковъ и духовенства, какъ изобразилъ ее неизвѣстный намъ художникъ на мозаической картинѣ въ одномъ изъ древнихъ равеннскихъ храмовъ. **С. Кулаковскій.**

[1]) Объ этомъ видѣніи, какъ о западно-европейскихъ „Хожденіяхъ“ въ потусторонній міръ вплоть до Дантэ, можно говорить лишь въ связи съ „Откровеніемъ ап. Павла“, т. к. это другой кругъ сказаній со стороны идеологіи.

Встрѣча.

Пасхальный разсказъ.

Великій постъ приближается къ концу. На исходѣ пятая недѣля. Солнышко уже зашло, вечерѣетъ, но въ соборѣ на „Похвалу Богородицы“ еще не благовѣстили. Сегодня много говѣющихъ и храмъ заранѣе начинаетъ наполняться молящимися.

Однимъ изъ первыхъ пришелъ сюда и Тимашевъ.

Послѣднее время посѣщеніе церковныхъ службъ, въ особенности великопостныхъ, — его единственная отрада. Душа скитальца истосковалась, изболѣлась по родимой сторонкѣ, по небу отчизны, солнцу ея. Только и радости осталось, что Храмъ Божій да воспоминанія о лучшихъ невозвратныхъ дняхъ.

„Слава Богу!“ не разъ думаетъ Михаилъ Степановичъ: „хоть это не отнято, а то совсѣмъ невмоготу была бъ ужъ жизнь“.

Изъ числа постоянныхъ посѣтителей церкви ему многіе знакомы: въ большинствѣ все изгнанники земляки, но знаетъ онъ вкратцѣ біографію и нѣкоторыхъ мѣстныхъ уроженцевъ.

Вотъ, напримѣръ, эта дама въ черномъ, что всегда тутъ такъ горячо со слезами молится предъ образомъ „Всѣхъ скорбящихъ“,—это жена извѣстнаго врача. У ней большое горе: большевики разстрѣляли единственнаго сына.

За колонной же вонъ тамъ стоитъ и безпрестанно крестится пожилой господинъ,—еще недавно крупный украинскій землевладѣлецъ. У него чекисты замучили двухъ сыновей, жена съ ума сошла, а отъ прежняго огромнаго состоянія остались лишь жалкіе гроши.

— „Боже мой! сколько горя тутъ на землѣ!“ вздыхаетъ Тимашевъ и слѣдитъ глазами за калѣкою, который, еле двигаясь на костыляхъ, съ большимъ трудомъ направляется къ Образу Почаевской, ставитъ свѣчку.

— Еще хорошо, что тутъ въ святомъ храмѣ есть возможность забыться, облегчить свою душу, утолить ея скорбь молитвой и слезами! Да, хорошо!

Но... Михаилъ Степановичъ вздрогнулъ, какъ отъ удара, но случается иногда человѣку испытывать въ жизни земной особенное состояніе души: будто умираетъ она.

Эту полусмерть называютъ горемъ нѣмымъ. Вотъ его-то, увы! ни выплакать, ни излить въ молитвѣ нельзя, не скажешь и людямъ о немъ: все равно не поймутъ, не утѣшатъ.

Страшное это горе!

И опять вздрогнулъ М. С., опять ему вспомнилось что то ужасное, именно такое горе.

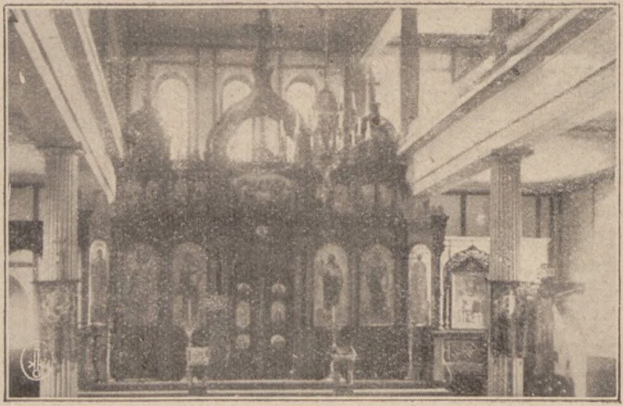
ОСВЯЩЕНІЕ ПРАВОСЛАВНАГО ХРАМА ВЪ ТОРУНИ.

(*Корреспонденція „Воскр. Чтенія“*).

27-го февраля с. г., съ благословенія Его Высокопреосвященства Митрополита Діонисія, протопресвитеромъ о. Т. Теодоровичемъ въ сослуженіи іеромонаха Пантелеймона и іеродіакона Мелитона было совершено освященіе православнаго братскаго храма въ Торуни. Эго торжественное богослуженіе привлекло массу молящихся какъ православныхъ, такъ и инославныхъ. Пѣлъ хорошо, какъ всегда, хоръ, организованный Православнымъ Братствомъ и уже давно безкорыстно служившій украшеніемъ богослуженій въ православной военной часовнѣ; а хоръ мѣстной оперы исполнилъ нѣсколько концертныхъ, церковныхъ пѣснопѣній. Великолѣпное пѣніе, трогательный обрядъ освященія, величіе храма, прекрасный иконостасъ вызвали у вѣрующихъ высокій подъемъ религіознаго чувства. По окончаніи литургіи, протопресвитеръ о. Т. Теодоровичъ сказалъ соотвѣтствующее слово. Имъ же была преподнесена икона отъ православныхъ г. Варшавы Президіуму Торунскаго Православнаго Братства. Закончилось торжество молебномъ св. Николаю Чудотворцу, во имя котораго былъ освященъ храмъ.

Православная церковь въ Торуни. Внѣшній видъ.

Православная церковь въ Торуни Внутреній видъ.

Новоосвященный храмъ взятъ въ пятилѣтнюю аренду Торунскимъ Православнымъ Братствомъ отъ мѣстнаго евангелическаго прихода. Только полгода тому назадъ было приступлено къ переговорамъ. Много потребовалось отъ Правленія Братства усилій, заботъ и трудовъ. Но энергія и настойчивость лицъ, всецѣло посвятившихъ себя идеѣ созданія храма, осуществила желаніе всѣхъ православныхъ Торуня и окрестностей. При помощи членовъ Братства, добровольныхъ жертвователей и кружечныхъ сборовъ въ церквахъ были преодолѣны препятствія матеріальнаго характера. На собранныя средства былъ внесенъ требуемый залогъ и кирка была приспособлена къ православнымъ богослуженіямъ: сняты лавки и поставленъ иконостасъ.

Въ результатѣ событій послѣднихъ 10—12 лѣтъ много православныхъ оказалось на западной окраинѣ Польши. Въ большинствѣ случаевъ это русскіе эмигранты, находящіеся здѣсь, на Поморьѣ, въ неблагопріятныхъ условіяхъ въ отношеніи сохраненія въ ихъ средѣ идейныхъ обще-русскихъ цѣнностей. Поэтому съ искренней благодарностью привѣтствую организацію, которая, идя навстрѣчу нашимъ духовнымъ потребностямъ, дала намъ намъ соотвѣтствующее мѣсто для молитвы Богу.

Православный.

Его онъ испыталъ уже разъ. Какъ только пережить удалось?! Одно воспоминаніе леденитъ сердце.

Даже сейчасъ добродушное выраженіе лица Тимашева зразу измѣнилось пасмурнымъ стало, брови нахмурились, и вокругъ потемнѣвшихъ задумчиво глазъ густою сѣткой задрожали мелкія бороздки.

Вечерня все еще не начиналась, и М. Ст. не прерывалъ своихъ грустныхъ житейскихъ думъ.

Но вотъ и благовѣстъ. Народъ замѣтно сталъ прибывать. Много рукъ со свѣчами малыми и большими, желтенькими и бѣлыми потянулось къ образу Пречистой. Негдѣ и ставить уже ихъ.

А люди идутъ, все идутъ безъ конца. Кто радость несетъ съ собою сюда, — больше же горе, кто тяжесть грѣха въ своемъ сердцѣ таитъ, а кто муки недремлющей совѣсти.

И сколько молитвъ тутъ польется сейчасъ самыхъ искреннихъ, слезныхъ, горячихъ къ Той, Чье сердце святое, само испытавъ такъ много великаго горя, надежнымъ прибѣжищемъ служитъ теперь скитальцамъ земнымъ!

Страшно вѣдь многимъ подчасъ на утломъ суденышкѣ плыть въ даль жуткую бурнаго моря: невѣдомый берегъ далеко, грозныя волны вокругъ клокочутъ, бушуютъ, ревутъ, какъ горы сѣдыя, навстрѣчу грядами бѣгутъ; туманы и мракъ челнъ сбили съ пути, а кормчій нежданно вдругъ скрылся. Гибнутъ пловцы! Откуда имъ помощи ждать?

О Пресвятая, Ты, Ты ихъ спаси!

Ужели напрасны тутъ предъ иконой святою всѣ скорбные вздохи, всѣ горькія слезы, рыданья людскія. ужель не услышишь, отвергнешь ихъ Ты, Всеблагая?!

О нѣтъ, нѣтъ, быть не можетъ! сердце же вѣритъ—горитъ, раненной птицей бьется оно и трепещетъ и шепчетъ, все шепчетъ страдальцу въ груди: „Услышитъ, лишь не колеблясь, съ надеждою крѣпкой проси!“

. . . .

Михаилъ Степановичъ прошелъ нѣсколько впередъ и сталъ у образа Почаевской.

Почти одновременно съ нимъ сюда же протискался какой-то очень бѣдно одѣтый пожилой человѣкъ. Онъ тотчасъ же опустился на колѣни.

Страшную усталость выражало его блѣдное, изможденное лицо. Бѣднякъ часто вздрагивалъ, ежился и повидимому не молился, лишь глаза его безцѣльно блуждали по храму. На секунду ихъ вниманіе привлекъ образъ Божіей Матери.

Старикъ окинулъ его отсутствующимъ взглядомъ и отвернулся, но тотчасъ вторично посмотрѣлъ. Во взорѣ его пробудилось сознаніе, и онъ ужъ больше не отрывался отъ святой иконы.

Стали служить акаѳистъ. Благоговѣйно, съ одинаковымъ вниманіемъ вслушивались въ слова св. молитвъ и Тимашевъ и стоявшій впереди него чело-

У насъ.

Вопросъ о срокѣ созыва очередной парламентской сессіи продолжаетъ быть открытымъ, но въ варшавскихъ политическихъ кругахъ со все возрастающей настойчивостью, утверждаютъ, что созывъ этотъ произойдетъ, согласно волѣ и по конституціонной инициіативѣ Главы государства, въ маѣ с. г. Срокъ этотъ представляется весьма вѣроятнымъ въ виду неумолимаго приближенія другого срока — времени общихъ парламентскихъ выборовъ и необходимости разрѣшить въ томъ или иномъ направленіи до этого времени рядъ насущнѣйшихъ политическихъ вопросовъ, изъ которыхъ главнымъ, попрежнему, остается вопросъ объ измѣненіи существующаго избирательнаго закона. Число сторонниковъ сохраненія этого закона въ неприкосновенности приблизительно равно въ сеймѣ числу сторонниковъ его измѣненія, такъ что дѣлать какія-либо предсказанія относительно того, въ какомъ направленіи этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ, если онъ будетъ поставленъ въ Сеймѣ на голосованіе, невозможно, но общественное мнѣніе государства все болѣе имъ интересуется и желаетъ взамѣнъ предположеній получить конкретный отвѣтъ: сохраняется ли существующій законъ, вносятся ли въ него измѣненія и если вносятся—то какія именно.

Такимъ образомъ **вопросъ о времени созыва сессіи палатъ и о программѣ ихъ работъ является въ политической жизни Польши** при существующей обстановкѣ **кореннымъ вопросомъ** этой жизни. Праздничное время задержало его разрѣшеніе, но нужно думать, что въ маѣ оно будетъ подвигаться впередъ быстрыми шагами.

Въ томъ же мѣсяцѣ маѣ **исполнится годъ**, съ того достопамятнаго въ исторіи Польши момента, **когда Маршалъ Пилсудскій выступилъ противъ существовавшаго тогда правительства г. Витоса** и принялъ бремя управленія государственной жизнью на себя. Мы своевременно подведемъ итогъ достиженіямъ образованной по иниціативѣ маршала Пилсудскаго власти, но уже сейчасъ можно, не затрагивая вопросовъ общихъ и политическихъ, отмѣтить одну область жизни Польши, въ которой со времени майскаго переворота 1926 года произошло замѣтное улучшеніе положенія. Область эта — хозяйственная, финансовая и экономическая жизнь государства. Каковы бы ни были условія, обусловившія и вызвавшія укрѣпленіе основъ польскаго государственнаго и народнаго хозяйства за истекшій годъ, фактъ остается очевиднымъ: положеніе весьма замѣтно улучшилось. Тѣ, кто еще помнитъ конецъ апрѣля 1926 г., знаетъ, что политическая атмосфера того времени была насыщена электричествомъ. На политическомъ горизонтѣ собирались грозовыя тучи. Осложненію политическаго положенія Польши сопутствовало несомнѣнное ухудшеніе положенія финансово-экономичечкаго и для борьбы съ кризисомъ правительству г. Витоса приходилось принимать героическія мѣры, вродѣ произведеннаго огульнаго и вызвавшаго серьезное недовольство сокращенія ставокъ заработной платы государственныхъ служащихъ. Въ маѣ 1926 г. правительство г. Витоса вынуждено было выйти въ отставку и въ Польшѣ образовалось правительство г. проф. Бартеля, превратившееся черезъ нѣкоторое время въ правительство маршала Пилсудскаго. Для своихъ оздоровительныхъ экономическихъ начинаній правительство это застало необыкновенно благопріятную почву въ видѣ усилившей польскій вывозъ и наполнившей кассы Польскаго Банка иностранной валютой длительной англійской забастовки углекоповъ. Было бы, однако, неумно и несправедливо утверждать, что улучшеніемъ своего финансово-экономическаго положенія за истекшее время Польша обязана единственно и исключительно забастовкѣ въ англійской угольной промышленности. Забастовка эта создала, правда, благопріятныя обстоятельства для оздоровительной и укрѣпительной политики правительства, но вѣдь давно извѣстно, что въ умѣлыхъ рукахъ самыя неблагопріятныя обстоятельства превращаются въ обстоятельства благопріятствующія, а неумѣлыя руки пропускаютъ, не воспользовавшись ею, наиболѣе благопріятную обстановку. Заслуга правительствъ г. проф. **Бартеля** и Маршала **Пилсудскаго** передъ финансово-экономической жизнью

вѣкъ. Послѣдній часто осѣнялъ себя крестомъ, клалъ поклоны, и подавленные вздохи вырывались у него изъ груди.

Когда же окончился акаѳистъ, бѣднякъ весь прин къ къ полу. Фигура его сгорбленная, будто придавленная непосильной ношей, такъ и затряслась вдругъ отъ сдерживаемыхъ рыданій. М. Ст. прислушался, взглянулъ по сторонамъ и только теперь обратилъ вниманіе на сосѣда.

Лица его не удавалось разглядѣть, убогій же, нищенскій нарядъ сразу бросился въ глаза. Въ особенности истоптаны были сапоги, даже босая нога проглядывала въ двухъ мѣстахъ.

Доброе отзывчивое сердце Михаила Степановича забило тревогу. Оно, нерѣдко въ ущербъ скромнымъ матеріальнымъ достаткамъ Тимашева, толкало этого немножко оригинальнаго человѣка на посильную помощь ближнимъ. Тимашевъ любилъ благотворить.

„Несчастный, вѣроятно — эмигрантъ", рѣшилъ М. С: „и холодно, и голодно, и до дому далеко тебѣ, а тутъ вѣдь Пасха не за горами". Тимашевъ еще разъ взглянулъ на рваную обувь бѣдняка, задумался, опустилъ голову и посмотрѣлъ на свои штиблеты.

„Гм... право они у него совсѣмъ еще приличны, полъ года всегда прослужатъ, а сапоги, которыми онъ сейчасъ располагаетъ, совершенно ненужны; вѣдь лѣтомъ въ сапогахъ онъ не ходитъ, до зимы же всегда найдется еще возможность запастись новыми. Вотъ и хорошо! Слѣдавательно, сапоги излишни, и сама судьба ихъ предназначаетъ этому несчастному".

„Ахъ, какъ хорошо!" добрые глаза М. С. засвѣтились тихой радостью.

„Только вопросъ: какъ передать ихъ?

Этого человѣка онъ видѣлъ впервые, нигдѣ, раньше не встрѣчалъ, можетъ быть, онъ и не здѣшній?

Но—пустое! Важно только, чтобы отъ завтра пришелъ въ церковь. А сапоги ему передастъ Володя. Мальчикъ въ такихъ случаяхъ непрочь услужить".

И совсѣмъ отвлекшись отъ молитвы, Т. сталъ оглядываться по сторонамъ, отыскивая глазами необходимаго ему Володю. Онъ такъ увлекся своими мыслями и раглядываніемъ публики, что вовсе не замѣтилъ исчезновенія незнакомца. Когда спохватился, было ужъ поздно.

„Вотъ тебѣ на! и Володьки не отыскалъ и тутъ прозѣвалъ!" подосадовалъ онъ. „Но все таки, я не теряю надежды: если Богу будетъ пріятна моя маленькая жертва,—всегда найдется возможность принести ее".

И радостно настроенный тѣми хорошими мыслями, которыя такъ неожиданно пришли въ голову, Мих. Ст. возвращался домой. Безразлично, увидитъ онъ завтра этого несчастнаго или нѣтъ, а сапоги въ цер-

въ Польшѣ состоитъ именно въ томъ, что **использовали для улучшенія условій и поднятія уровня этой жизни всѣ встрѣченныя ими на политическомъ и государственномъ пути благопріятныя обстоятельства** и сами немало поработали надъ созданіемъ этихъ обстоятельствъ, послѣдовательно и упорно стремясь къ стабилизаціи политическихъ отношеній въ Польшѣ и къ созданію такихъ условій политической и общественной жизни въ странѣ, при которыхъ внутренній и внѣшній капиталъ—неизмѣнный факторъ всякаго государственнаго и народнаго финансово-экономическаго развитія—проникается довѣріемъ къ данному соціально-политическому строю. Создавъ политическую стабилизацію государственной жизни Польши, правительство подготовило и облегчило стабилизацію экономическую. Это приличествуетъ вспомнить и отмѣтить именно сейчасъ, когда **заключеніе крупнаго заграничнаго займа въ нѣсколько десятковъ милліоновъ долларовъ** должно окончательно завершить дѣло экономическаго и финансоваго возрожденія Польши.

Отмѣчая такимъ образомъ заслуги правительства Маршала Пилсудскаго и проф. Бартеля въ дѣлѣ этого финансово-экономическаго возрожденія страны,мы, однако, отнюдь не намѣрены умалять значеніе политики предшествовавшихъ правительствъ Польши въ финансово-экономическихъ вопросахъ и утверждать, что нынѣ существующей власти извѣстенъ какой-то магическій секретъ, остававшійся неизвѣстнымъ его предшественникамъ. Дѣло, конечно, не въ этомъ и даже не въ персональномъ превосходствѣ нынѣ управляющихъ Польшей государственныхъ дѣятелей надъ ихъ предшественниками, изъ которыхъ весьма многіе обладали и большими знаніями, и значительнымъ государственнымъ опытомъ, и кристальной честностью и все же оказались не въ состояніи вывести Польшу изъ того запутаннаго финансово-экономическаго положенія, въ которомъ она находилась до государственнаго переворота въ маѣ мѣсяцѣ 1926 г., къ тому благопріятному положенію, къ которому послѣ этого переворота ее сравнительно легко и быстро привело правительство Маршала Пилсудскаго. Въ чемъ же все таки дѣло? Чѣмъ объясняется то, что Маршалъ Пилсудскій легко справился съ задачей, оказавшейся не по плечу его предшественникамъ. Намъ кажется, что разгадку слѣдуетъ искать въ слѣдующемъ: майскія событія 1926 г. не только измѣнили личный составъ тѣхъ, кому нація ввѣрила свои судьбы и управленіе государствомъ, но измѣнили одновременно самую систему и методу этого управленія; не нанося ущерба демократическимъ и парламентскимъ основамъ государственаго устроенія Польши, **правительство Маршала Пилсудскаго поставило верховную и исполнительную государственную власть выше партій, классовъ, сословій и состояній**; одновременно оно возвысило ее, какъ нѣчто высшее и авторитетное, надъ измѣнчивой волей парламентскаго представительства, освободило отъ подчиненія произволу и капризамъ этого представительства и превратило, однимъ словомъ, власть слабую въ власть сильную и авторитетную. Это превращеніе, болѣе всякой благопріятной внѣшней конъюнктуры, повліяло на стабилизацію условій политической жизни Польши, возстановило внутри страны и заграницей довѣріе къ государству, создало предпосылки экономическаго и финансоваго оздоровленія и положило начало этому, нынѣ завершающемуся оздоровленію.

Въ этой своей политикѣ Польша сейчасъ не одинока. Рядъ европейскихъ государствъ—въ различныхъ внѣшнихъ условіяхъ и формахъ — основываетъ въ настоящее время свою политику **на повышеніи авторитета государственной власти**, на реформѣ парламентскаго строя въ систему, при которой демократія, на русскомъ языкѣ превратившаяся въ синонимъ отрицательныхъ крайностей демократически — парламентскаго строя, превращается въ демотію то есть истинно народный государственный и общественный строй, возглавленный національной, авторитетной, сильной и независимой властью.

ковь на всякій случай захватитъ. Надо будетъ приложить къ нимъ еще кой что на пасхальный куличъ изъ денегъ, да записочку не забыть, чтобъ неожиданностью не смутить человѣка.

Она будетъ приблизительно такого содержанія:

„Не взыщи, добрая душа, за этотъ маленькій подарочекъ къ празднику: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ; носи на здоровье, да не горюй: не всегда въ жизни будемъ безъ просвѣта“.

М. С. Т.

Задумано—сдѣлано.

На слѣдующій день еще соборъ не былъ открытъ, а Михаилъ Степ., какъ часовой, уже ходилъ вокругъ него съ довольно объемистымъ свертокомъ въ рукахъ. На паперти собирались нищіе, и, хотя Томашевъ не надѣялся встрѣтить тутъ своего незнакомца, но на всякій случай, къ каждому изъ нихъ внимательно присматривался.

Съ нетерпѣніемъ дождался онъ начала богослуженія.

Въ храмѣ сталъ у входа. Володя сегодня пришелъ тоже пораньше, и М. С., подозвавъ его, разсказалъ о своей затѣѣ. „Володенька, поможешь? Отдать только этотъ свертокъ, а тутъ есть записочка, она все объяснитъ!“

Мальчикъ охотно согласился, и оба стали поджидать. Но напрасно. Литургія подходитъ къ концу, новыхъ молящихся въ храмъ не прибываетъ.

„Вѣроятно не придетъ, а мнѣ на службу пора“, подумалъ Т. и собрался уходить. Оглянулся. Вдругъ видитъ, въ углу притвора стоитъ его незнакомецъ. По костюму узналъ, обрадовался М. Ст., за рукавъ потянулъ Володю:

— Есть! Неси же поскорѣе!“

Володя повиновался, а М. С. постоялъ еще немного и тоже вышелъ вслѣдъ за нимъ.

Но только поровнялся онъ со старикомъ, который въ эту пору говорилъ что то Володѣ, и мелькомъ взглянулъ на него, какъ пораженный остановился.

„Голосъ! знакомый голосъ! и эти два шрама на щекѣ... Вѣдь это же Бороздкинъ! Старикъ! Вотъ она жизнь!..“ И, не зная, что дѣлать, на что рѣшиться, М. С. секунду не трогался съ мѣста: „подойти ли ближе къ этому человѣку, когда то сыгравшему въ его жизни такую трагическую роль, или бѣжать безъ оглядки? Нѣтъ, нѣтъ, уйти, конечно, уйти!“ и, точно увидавъ вдругъ передъ собою что то ужасное, противное, отвратительное до мерзости, — Мих. Степ. почти выбѣжалъ изъ храма.

(Окончаніе будетъ).

Е. С—кая.

Заграницей

Агентствомъ „Русспресс“ опубликовано сообщеніе, изъ котораго явствуетъ, что въ судьбѣ замѣстителя Мѣстоблюстителя Московскаго Патріаршаго Престола Высокопреосвященнаго Митрополита Нижегородскаго Сергія не наступило перемѣнъ къ лучшему — Митрополитъ Сергій по прежнему находится въ заключеніи и дальнѣйшія намѣренія большевиковъ по отношенію къ нему не извѣстны. Въ совѣтской печати, однако, все чаще появляются свѣдѣнія, свидѣтельствующія о томъ, что даже **арестъ Высокопреосвященнаго Главы Русской Церкви не остановилъ процесса укрѣпленія религіозныхъ чувствъ вѣрующаго Православнаго населенія Россіи.** Московскія „Извѣстія“ жалуются на „новыя попытки церковниковъ организоваться“, а „Правда“ помѣщаетъ пространныя статьи, посвященныя росту религіознаго чувства русскаго населенія Въ одной изъ такихъ статей, напримѣръ, напечатано:

„Что съ религіей надо бороться, объ этомъ написано въ программѣ нашей партіи и въ цѣломъ рядѣ постановленій нашихъ съѣздовъ, но практическая актуальность этого вопроса наглядно выяснилась лишь за послѣднее время. Дѣло въ томъ, что за послѣднее время поповщина нѣсколько оправилась и производитъ нынѣ перегруппировку своихъ силъ. Центрами религіозной жизни на мѣстахъ являются такъ называемыя „двадцатки“, т. е. церковные совѣты. Во главѣ этихъ совѣтовъ стоятъ обычно торговцы, кулаки и вообще наиболѣе зажиточный элементъ. Типичный примѣръ церковнаго совѣта въ с. Спасъ-Нудоль Клинскаго у.; здѣсь въ церковномъ совѣтѣ шестерка — быв. помощникъ старшины Ковалевъ, быв. трактирщикъ Кирилловъ, скупщикъ угля Петровъ, подрядчикъ по печному дѣлу Орловъ, торговецъ мануфактурой Андреевъ и настоятель церкви Митрофанъ Величкинъ. Эти „двадцатки“ (около 30 тыс. по всему союзу) и руководятъ всѣми православными дѣлами.

Главная обязанность теперешняго попа — поддерживать авторитетъ членовъ этой „двадцатки“, въ большинствѣ случаевъ лишенныхъ избирательнаго права. Во время послѣднихъ перевыборовъ совѣтовъ это вскрылось весьма явственно. Изъ Симферополя пишутъ: „Во многихъ мѣстахъ кулаки для того, чтобы пріобрѣсти избирательныя права, увольняютъ своихъ батраковъ. Кулачеству содѣйствуетъ духовенство, стремящееся повлiять на свою бѣдняцкую и середняцкую паству въ кулацкихъ интересахъ“. „Въ с. Гиреевѣ Калужской губ. попъ Павелъ Сокольскій обходилъ село отъ хаты до хаты и велъ агитацію за срывъ перевыборовъ. Въ результатѣ гиреевцы на перевыборы являлись вяло. Затѣмъ на сходъ явился попъ въ сопровожденіи сагитированной имъ группы, и они твердо отстаивали кулацкія кандидатуры“.

Такъ обстоитъ дѣло съ православнымъ населеніемъ.

„Особенно ожесточенно бьется на подступахъ къ совѣтамъ мусульманское духовенство. О блокѣ муллы съ кулакомъ пишутъ изъ Уфы, Казани, Баку, Оренбурга, Омска и др. Изъ нѣмецкихъ колоній идутъ сообщенія о подобной же работѣ пасторовъ и ксендзовъ“.

Замѣчается крѣпость религіозныхъ настроеній и среди **интеллигенціи:**

„За послѣднее время „ко Господу“ начали прибѣгать также и нѣкоторые слои интеллигенціи. Возникаютъ кружки теософовъ, кружки по сношенію съ загробнымъ міромъ. Появляются любители мистическихъ теорій Вл. Соловьева, Штейнера и проч. Въ литературѣ, на сценѣ и въ живописи усиливаются мистическіе мотивы: примѣръ — выставка съ „Божецкой слезой“ Кончаловскаго. Подъ эту сѣнь собирается вся интеллигентская блѣдная немочь „лишнихъ людей“, не сумѣвшихъ найти свое мѣсто въ практической работѣ современности. И это является идеологическимъ покровомъ явно реакціонныхъ поползновеній верхушки мелкобуржуазныхъ элементовъ“.

Рабочіе тоже переживаютъ религіозное чувство и тяготѣютъ къ религіи:

„За послѣднее время у насъ поповщина начала усиленно лѣзть къ рабочимъ. Идетъ особенно усиленно работа среди женщинъ: женъ и матерей рабочихъ, отчасти среди работницъ, а также среди приходящихъ изъ деревни чернорабочихъ, среди сезонниковъ, особенно среди безработныхъ. Замѣтно нажимаетъ поповщина на текстилей. На владимірской текстильной фабрикѣ „Коммунистическій Авангардъ“ (7.000 раб.) построена новая церковь, при участіи рабочихъ. На фабрикѣ „Красный Октябрь“ Пензенскаго суконнаго треста (2 000 раб.), то же самое. То же и на Ярцевской мануфактурѣ въ Смоленской губ. (8.000 раб.)“.

Авторъ статьи въ заключеніе призываетъ — обратить самое серьезное вниманіе на эту „опасность“ и настаиваетъ на усиленіи антирелигіозной пропаганды.

Другую, почти одинаковую по содержанію статью, намъ пришлось видѣть въ „Ленинградской Красной Газетѣ“. Эти голоса совѣтской печати весьма знаменательны и свидѣтельствуютъ о дѣйствительномъ ростѣ и укрѣпленіи религіозныхъ чувствъ въ Россіи.

Положеніе въ Китаѣ въ настояще время таково. **Послѣ значительнаго успѣха т. н. кантонскихъ революціонныхъ войскъ произошелъ нѣкоторый переломъ въ пользу ихъ противниковъ.** Какъ мы уже сообщали, европейскія державы, Японія и Соединенныя Штаты обратились къ кантонскому правительству съ требованіемъ объ удовлетвореніи за ущербъ, нанесенный интересамъ иностранцевъ въ Нанкинѣ. Отвѣтъ кантонскаго правительства, уже врученный иностраннымъ консуламъ въ Шанхаѣ, признанъ ими неудовлетворительнымъ. Между тѣмъ произошла концентрація иностранныхъ силъ въ Китаѣ. Въ китайскихъ водахъ находится въ настоящее время 170 иностранныхъ военныхъ судовъ, изъ нихъ больше половины англійскихъ, а Шанхай защищается 25-тысячнымъ международнымъ отрядомъ съ англійскимъ генераломъ во главѣ. Одновременно сѣверный маршалъ Чангъ-Тзо-Линъ, предпринявъ въ Пекинѣ энергичныя дѣйствія противъ совѣтскаго полпредства, перешелъ въ довольно успѣшное наступленіе противъ южныхъ войскъ кантонскаго правительства и значительно ихъ оттѣснилъ.

Совѣтская Москва реагировала на китайскія событія рѣчью предсѣдателя совѣта народныхъ комиссаровъ Рыкова. Въ этой рѣчи, говоря о пекинскихъ обыскахъ, онъ заявилъ, что особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что всѣ враждебныя по отношенію къ СССР дѣйствія были совершены „подъ защитой и даже при непосредственномъ участіи представителей дипломатическаго корпуса“. То, что эти дѣйствія были совершены одновременно въ разныхъ мѣстахъ, при содѣйствіи представителей державъ и при участіи русскихъ „бѣлогвардейцевъ“, въ качествѣ „наемныхъ спецовъ“ — заявилъ Рыковъ — указываетъ на несомнѣнное существованіе заранѣе разработаннаго заговора и провокаціи СССР, которые не могли быть организованы пекинскимъ правительствомъ безъ участія и даже безъ извѣстнаго руководства со стороны имперіалистическихъ державъ.

Отвѣтственность за всѣ неслыханныя оскорбленія, — продолжалъ Рыковъ, — **которымъ были подвергнуты совѣтскіе представители въ Китаѣ, ложится не только на пекинское правительство, но также на нѣкоторыя договорныя державы.** Правительства нѣко-